

По дороге обратно в голове Цао Е крутились моменты, связанные с Лян Сычжэ: как он, присев на корточки, говорил сяо-сяо Бай «спасибо», как стоял перед ней с покрасневшими глазами над маской, и тот глубокий взгляд, которым он смотрел на прощание. В день рождения Лян Сычжэ его телефон разрывался от поздравлений. Значит, у него в индустрии должно быть много знакомых. Но почему же он тогда казался таким одиноким? Десять лет назад умерли его родители, а теперь уходит собака, которая была с ним всё это время. Насколько сильной должна быть его боль, чтобы он, всегда сдержанный в проявлении эмоций, довёл себя до покрасневших глаз?

Цао Е чуть не развернул машину, чтобы вернуться в аэропорт и провести с ним несколько дней на съемках. Но он пообещал позаботиться о сяо-сяо Бай, и не мог нарушить обещание. Он должен был остаться и быть рядом с собакой в последние дни её жизни. Остановившись на светофоре, он достал сигарету, зажал ее в зубах, чиркнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку.

Вернувшись в ветеринарную клинику, он увидел, что Сюй Юньчу всё ещё была там. Сяо-сяо Бай по-прежнему лежала на боку: то ли дремала, то ли спала. Из-за болезни и старости она стала менее чуткой и не заметила приближения Цао Е.

— Господин Цао, — Сюй Юньчу встала, увидев его. — Как Сычжэ?

— Не очень хорошо.

Сюй Юньчу вздохнула. Похоже, она не знала о связи собаки с Цао Е и решила объяснить:

— Сычжэ вырастил эту собаку, он взял её еще во время съемок «Тринадцати дней». Каждый раз после окончания съёмки он первым делом забирал её у меня. Он относился к ней как к члену семьи... Ему сейчас очень тяжело.

Цао Е кивнул.

— У меня сейчас мало свободного времени. Я занимаюсь дебютом новой мужской группы, у меня много работы. Завтра я улетаю в Гуанчжоу. Сяо-сяо Бай придется оставить на вас, господин Цао.

— Не называй меня господин Цао, — сказал Цао Е. — Лян Сычжэ зовет меня Цао Е, зови меня так же.

Сюй Юньчу было уже за тридцать. В индустрии её знали как энергичную, умную и решительную женщину. Но вот с Лян Сычжэ она справиться не могла, видимо, его импульсивность её пугала. После него она стала работать только с айдолами — неважно, был у них талант или нет, главное, чтобы они были послушными.

— Хорошо, Цао Е, — улыбнулась Сюй Юньчу. — Если что-то случится с сяо-сяо Бай, звони мне. Если будет возможность, я сразу приеду.

— Хорошо, — ответил Цао Е.

— И ещё... у меня есть просьба, — Сюй Юньчу задумалась на несколько секунд. — Если сяо-сяо Бай станет хуже, постарайся не говорить об этом Сычжэ... Ты же знаешь, в начале этого фильма много комедийных сцен. В это время года у него всегда плохое настроение, а теперь ещё и сяо-сяо Бай... Он хороший актёр, он сможет войти в роль, но такой резкий перепад настроения будет для него слишком тяжелым.

— Я понимаю, не волнуйся, — сказал Цао Е.

Вечером, когда сяо-сяо Бай поставили капельницу, Цао Е отвез её домой. У собаки не было сил идти, поэтому Цао Е вынес её из машины и донес до лифта на руках. Возможно, из-за того, что сяо-сяо Бай в последнее время почти не ела, она сильно похудела по сравнению с прошлым месяцем, почти до состояния «кожа да кости». Её шерсть потускнела и безжизненно облегла острые кости. Цао Е помнил, как около месяца назад Лян Сычжэ, собрав свои волосы, купал её. Тогда сяо-сяо Бай выглядела бодрой и здоровой, а теперь её жизнь так быстро угасала.

В течение следующих двух недель состояние сяо-сяо Бай то улучшалось, то ухудшалось. Иногда она ненадолго оживала, могла сама встать и пройтись, но большую часть времени лежала на балконе, вяло греясь на солнце. Когда сяо-сяо Бай становилось лучше, Цао Е снимал короткие видео и отправлял их Лян Сычжэ. Если вечером у Лян Сычжэ не было съёмки, он звонил ему по видеосвязи, чтобы он мог посмотреть на собаку.

Цао Е просил повара в клубе варить рисовую кашу и каждый день приносил её домой, пытаясь накормить сяо-сяо Бай. Но чаще всего собаку рвало после еды, и Цао Е приходилось возить её на капельницы в ветеринарную клинику. Несмотря на ежедневные капельницы, за две недели сяо-сяо Бай сильно исхудала. В последние дни Цао Е почти перестал отправлять Лян Сычжэ видео с собакой, боясь его расстроить.

Наблюдать, как жизнь покидает сяо-сяо Бай, было тяжело, и Цао Е тоже чувствовал себя подавленным. Он хотел увидеть Лян Сычжэ, поговорить с ним. Ему казалось, что Лян Сычжэ сейчас очень нужна поддержка. Но состояние сяо-сяо Бай было таким плохим, что он боялся, что если будет избегать этой темы, Лян Сычжэ все равно что-то заподозрит, и это повлияет на его настроение. Он был очень умным и чувствительным человеком. Сюй Юньчу была права: играть комедийную роль, когда тебе самому грустно, невероятно тяжело.

Эти две недели измотали и самого Цао Е. Однажды ночью у сяо-сяо Бай снова начались судороги, она скулила от боли, свернувшись калачиком, и Цао Е посреди ночи отвез её в клинику. Вернулся он только под утро, с темными кругами под глазами. На следующий день в офисе Чэн Дуань подшутил над ним, сказав, что он выглядит так, будто всю ночь занимался любовью. Цао Е, чувствуя себя разбитым, лишь отмахнулся от него. Сяо-сяо Бай больше не могла бороться. Два дня подряд, как только действие обезболивающего проходило, она

начинала скулить, дрожать и сворачиваться в клубок от боли. Было невыносимо смотреть на её страдания.

Врач снова предложил эвтаназию. Для собаки, которой трудно было даже дышать, жизнь стала бременем. Цао Е не мог больше смотреть на её мучения. Весь день он провел в раздумьях в своем кабинете, а вечером позвонил Лян Сычжэ и рассказал ему о состоянии сяо-сяо Бай. Он был готов к тому, что Лян Сычжэ откажется, но тот, словно ожидая этого звонка, быстро согласился.

— Тогда пусть будет эвтаназия, — сказал Лян Сычжэ хриплым, тихим голосом. — Если конец неизбежен, то лучше быстрая смерть, чем долгие мучения. Отвези её завтра.

В его голосе не было слышно никаких эмоций, но Цао Е все равно представлял себе Лян Сычжэ в VIP-зале аэропорта с покрасневшими глазами. Перед СМИ он был дерзким, с ним самим — непринужденным. Но сейчас, думая о Лян Сычжэ, Цао Е видел только его лицо, скрытое под капюшоном, и его глаза, полные усталости и уязвимости.

— Тебе очень грустно, правда, Лян Сычжэ? — не выдержал он.

На том конце провода воцарилось молчание. Через некоторое время Лян Сычжэ ответил:

— Все в порядке, я привык, — он сделал паузу. — Люди, собаки... все когда-нибудь уходят. Рано или поздно. Я давно это понял.

Цао Е не сомкнул глаз всю ночь. Перед глазами стоял Лян Сычжэ в капюшоне и маске, смотрящий в окно машины. Тот момент на светофоре, когда свет фар проезжающей машины упал на его лицо и тут же исчез, словно время текло по его щеке. Ему снова снился тот день десять лет назад, когда Лян Сычжэ стоял за дверью и слушал, как внутри обсуждают, что он больше не сможет играть на скрипке. И его сжатый, слегка дрожащий кулак. Его уязвимость спустя десять лет выглядела поразительно похоже.

На следующее утро Цао Е поехал в клинику. Сяо-сяо Бай лежала на боку на белой операционной койке. Когда ей ввели анестезию в переднюю лапу, боль в её глазах словно немного утихла, но её взгляд стал рассеянным и безжизненным. Процедура эвтаназии прошла быстро. Укол анестетика, укол хлорида калия — и сяо-сяо Бай была избавлена от страданий. Она умерла, залитая солнечным светом. Цао Е закрыл её полуприкрытые глаза и, приложив ладонь к мордочке собаки, подумал, что между ним, Лян Сычжэ, и теми двумя мальчишками с улицы Иньсы десять лет назад, порвалась ещё одна нить.

Он мечтал вернуться к тем отношениям, что были у них с Лян Сычжэ на Иньсы, сделать вид, что всего, связанного с Цао Сююанем, не было. Но за десять лет многое изменилось. Сяо-сяо Бай родилась и прожила свою жизнь, и все события, что произошли за это время, были реальны. Как можно было просто взять и вернуться в прошлое?

Казалось, за все эти годы их с Лян Сычжэ связывали лишь воспоминания юности. Но воспоминания постепенно стираются и разрушаются временем, как снесенный за одну ночь ресторан «Лазурная вечеринка», как улица Иньсы, превратившаяся в руины, как жизнь сяо-сяо Бай, подошедшая к концу. Все потери и перемены необратимы. Что будет с ними, когда все воспоминания об Иньсы исчезнут?

Выйдя из ветеринарной клиники, Цао Е связался с кладбищем для животных и отвез туда сяо-сяо Бай. Сюй Юньчу тоже поехала с ним. Все эти десять лет, пока Лян Сычжэ был на съёмках, она заботилась о сяо-сяо Бай, поэтому тоже была к ней привязана. Вернувшись с кладбища, Сюй Юньчу сказала, что ей нужно заехать домой к Лян Сычжэ. Он звонил ей вчера вечером и попросил собрать все вещи сяо-сяо Бай.

— Наверное, он боится, что, вернувшись со съёмок через несколько месяцев, он будет всё это видеть и снова расстраиваться, — сказала Сюй Юньчу. — Сычжэ обычно скрывает свои эмоции, но он... на самом деле очень чувствительный. — Она продолжила разговор с Цао Е: — Талантливые актёры, как правило, более восприимчивы к окружающему миру, чем обычные люди. Просто он всё держит в себе, никому не рассказывает.

Цао Е, молча ведя машину, через некоторое время спросил:

— Эти вещи... нужно просто выбросить?

— Я ещё не решила. Жалко их выбрасывать, но если кому-то отдать... — она задумалась.

— Если ты не знаешь, что с ними делать, — предложил Цао Е, — можно их пока оставить у меня?

— Ты тоже завел собаку?

— Собираюсь.

— Если это тебе пригодится, то это было бы замечательно, — быстро согласилась Сюй Юньчу. — Тогда поехали вместе. Я всё соберу, а ты загрузишь в машину... Там немного вещей: игрушки, корм. У меня тоже кое-что есть, потом как-нибудь передам тебе.

— Хорошо, — сказал Цао Е.

Видя, что Цао Е все еще грустит, Сюй Юньчу по дороге стала рассказывать забавные истории про сяо-сяо Бай и Лян Сычжэ. Например, как однажды во время прогулки за ними увязались папарацци, и сяо-сяо Бай вдруг бросилась бежать. Лян Сычжэ сначала не понял, что происходит, и попытался её остановить, но собака, откуда-то взяв силы, потащила его за собой домой. Только потом, увидев фотографии в газете, Лян Сычжэ понял, почему сяо-сяо Бай так рванула.

— Наверное, Сычжэ научился так хорошо чувствовать папарацци благодаря сяо-сяо Бай, — засмеялась Сюй Юньчу.

Эта история рассмешила и Цао Е, и его настроение немного улучшилось. Раньше они общались только по деловым вопросам, а теперь, разговорившись о собаке Лян Сычжэ, Сюй Юньчу вдруг поняла, что единственный сын Цао Сююаня, о котором так много писали СМИ, в обычной жизни был похож на милого, открытого парня, чьи эмоции легко читались. Он был совсем не таким, каким она видела его во время переговоров в Luomeng.

«Неудивительно, что они подружились с Лян Сычжэ», — подумала Сюй Юньчу. Оба были в центре внимания СМИ, только один — открыто, а другой — нет. И в то же время в них чувствовалось какое-то неуловимое сходство, которое, вероятно, помогало им находить общий язык.

— Сычжэ снимал много видео про сяо-сяо Бай, — вспомнила она. — Все они записаны на диск. Если хочешь посмотреть, я скажу ему, и когда приедем, найду его для тебя.

— Хорошо, — ответил Цао Е.

Машина остановилась у дома Лян Сычжэ. Сюй Юньчу достала ключи, чтобы открыть дверь, но Цао Е приложил палец к сканеру отпечатков, и замок щелкнул.

— Когда ты успел записать отпечаток? — удивилась она.

— В прошлом месяце.

— Я знала, что твой отец помог ему, но не думала, что вы так близки.

— Удивительно? — Цао Е улыбнулся. Ему вдруг захотелось, чтобы Сюй Юньчу знала, что их отношения с Лян Сычжэ гораздо ближе, чем она думает. — Это я дал сяо-сяо Бай кличку десять лет назад.

— Правда? — Сюй Юньчу, как и ожидалось, удивилась ещё больше. Она не работала с Лян Сычжэ два года до того, как он получил награду, а он сам мало рассказывал ей о том времени, поэтому она верила тому, что писали в СМИ. — В газетах писали, что вы соперничали за роль сяо Маня, что между вами была настоящая война. Неужели это неправда?

— Мы действительно соперничали, но все эти истории про войну — полная чушь, — с этими словами Цао Е написал Лян Сычжэ: «Твой агент сказала, что у тебя есть диск с видео сяо-сяо Бай. Можно ли мне его посмотреть?»

Было около пяти-шести вечера, время ужина на съёмочной площадке. Лян Сычжэ быстро ответил: «Пусть Юньчу найдет его для тебя. Она знает, какой это диск». Цао Е подумал, что

можно было посмотреть эти записи в домашнем кинотеатре Лян Сычжэ. Он был там однажды и ему понравилось, там было уютно. Он отправил еще одно сообщение: «Можно воспользоваться твоим кинотеатром?» Лян Сычжэ, видимо, был занят и ответил не сразу. Через несколько минут пришло сообщение: «Можно».

Цао Е и Сюй Юньчу поднялись по лестнице и вошли в кинозал. Сюй Юньчу включила настенные светильники, закрыла раздвижные двери и задёрнула шторы. Закатное солнце осталось снаружи, комнате погрузилась в полумрак. Цао Е вдруг вспомнил, как в первый раз, когда он пришел сюда, Лян Сычжэ сначала зашёл в комнату, закрыл дверь, и только потом попросил его включить свет. Он подумал, что обычно люди сначала включают свет, а потом закрывают дверь. Это ведь был дом Лян Сычжэ, и он вряд ли мог перепутать такой простой порядок действий. Может, он сделал это нарочно?

— Должно быть он где-то здесь, — Сюй Юньчу стояла у стеллажа с дисками, осматривая полки. — Кажется, вот этот. — Она сняла с полки коробку, посмотрела на пустую обложку, потом снова на стеллаж, и взяла еще одну коробку рядом. — Или этот... Я точно не помню. Цао Е, включи, пожалуйста, проектор, попробуем оба диска.

— А, хорошо, — сказал Цао Е. Он подошел к столу, включил проектор, затем поднял крышку ноутбука. Как и в прошлый раз, компьютер не был выключен. Экран загорелся от легкого прикосновения.

Повторяя действия Лян Сычжэ, Цао Е нажал на свернутое окно видеоплеера внизу экрана. Через мгновение изображение появилось на экране проектора, остановившись на том моменте, где Лян Сычжэ закончил просмотр. Как и в прошлый раз, это было размытое черно-белое изображение с камеры видеонаблюдения, направленной вниз, на закрытые двери лифта.

«Почему Лян Сычжэ снова смотрел это видео?» — подумал Цао Е, не отрывая взгляда от экрана. На этот раз он ясно увидел, что это действительно запись с камеры видеонаблюдения в коридоре у лифта, а не «какой-то случайный фильм», как сказал Лян Сычжэ. В прошлый раз он лишь мельком взглянул на экран и не заметил дату и время в правом нижнем углу: 2014-06-03 21:37:26. Цао Е отлично помнил этот день — это был вечер дня рождения Лян Сычжэ пять лет назад.

Никто не знал, что произошло тем вечером, лучше, чем он. Его сердце вдруг заколотилось: каждый удар отдавался громким, назойливым стуком. Пальцы Цао Е словно ослабели, ему пришлось приложить усилие, чтобы удержать мышь. Он перемотал видео назад и увидел подростка, сидящего в углу лифта, с опущенной головой, как страус, безвольно свесив руки. Он выглядел потерянным и разбитым.

— Проектор включен? — Сюй Юньчу подошла с двумя дисками в руках. Подняв голову, она увидела на большом экране изображение с камеры видеонаблюдения и съежившегося в углу подростка. — Что это? Кажется, я уже видела это на этом компьютере. Кто это... Не Сычжэ?

— Это... — начал Цао Е охрипшим голосом. У него в горле словно что-то застряло. Он

прокашлялся. — Это я.

Видео продолжилось. Двери лифта открылись, подросток, прижавшись к стене, поднялся и вышел из тесной кабины. Затем появилась картинка из вестибюля отеля. Он увидел, как он сам вдруг ускорил шаг, потом побежал, почти прорываясь сквозь толпу, и выбежал из отеля.

Видео закончилось и началось заново. Он и Лян Сычжэ стояли у лифта. Он, взволнованный, отступал назад, а Лян Сычжэ стоял и смотрел на него, протянув руку, словно хотел его удержать. Но Цао Е отступил в кабину лифта, двери закрылись. Лян Сычжэ остался стоять перед закрытыми дверями. Картинка замерла. Потом кто-то подошел к нему и что-то сказал, но он не слушал. Он нажал кнопку вызова лифта, быстро зашёл внутрь, и двери закрылись.

Цао Е смотрел на экран компьютера. Сюй Юньчу смотрела на изображение на экране проектора. Видео вернулось к началу: закрытые двери лифта, чёрно-белое изображение, вид сверху, размытая картинка.

— Вот оно что, — пробормотала Сюй Юньчу. — Значит, он избил журналиста, снял «Сны о мечте и судьбе», согласился на пересъёмки «Рокового выбора»...

— Что ты сказала? — Цао Е словно очнулся и посмотрел на Сюй Юньчу. — Что значит «избил журналиста»?

— Неудивительно... — Сюй Юньчу не смотрела на него, её взгляд был прикован к большому экрану, на котором маленький подросток съёжился в углу. — Выходит, он столько лет изводил себя, терпел невыносимую боль, словно глотая тупые ножи, не ради пресловутой благодарности... а ради тебя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130295>